

Экспертиза

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович — доктор политических наук; профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; SRastorguev@fa.ru)

ПСИХОЛОГИЯ В ПОЛИТИКЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье анализируются российские и зарубежные психологические концепции, которые применяются в политических исследованиях. Поведение индивида представлено как функция от личностных черт и внешних обстоятельств. Психологические факторы влияют на формирование установок, оценку явлений и принятие политических решений. Автор анализирует различные подходы к мотивации поведения. В процессе принятия решений значительную роль играют иррациональные факторы и стереотипы. Социальная психология и политическая психология описывают различные модели группового поведения. Внешние обстоятельства формируются социальными институтами и политикой государства. Символическая и историческая политика государства опирается на достижения психологической науки. Конкурентом государства в реализации символической и исторической политики могут выступать организации третьего сектора.

Ключевые слова: политическая психология, мотивация поведения, символическая политика, фреймы

Германо-американский психолог К. Левин доказывал, что поведение человека обусловлено двумя переменными — чертами личности и внешними обстоятельствами. Люди с разными убеждениями расходятся в трактовке одинаковых фактов, если вообще соглашаются рассматривать некоторые события как факты. Мнение своей группы представляется объективным и истинным, мнение оппонентов — субъективным и ложным [The Oxford Handbook... 2011]. В ситуации конфликта внешних обстоятельств и сформированных убеждений возникает когнитивный диссонанс, требующий либо корректировки действий, либо пересмотра установок [Festinger 1968]. Поведение людей подвержено влиянию установок, ценностей, стереотипов, сформированных в результате социализации. Внутренние черты личности имеют общественный характер, опосредованы воздействием социальных институтов. Посредством механизма каузальной атрибуции формируется контекст для выстраивания причинно-следственных связей, шкалирования предпочтений [Kelley 1973]. Один ряд установок выполняет функцию репрезентации ценностей, позиционируя идентичность индивида, другой ряд ориентирован на получение положительной реакции окружающих и предоставляет возможность приобрести поддержку группы [Chirumbolo, Leone, Desimoni 2016]. Эксперименты С. Милгрэма и Ф. Зимбардо доказали влияние авторитета и иерархической ролевой системы на поведение индивида [Milgram 1975; Зимбардо 2018]. Попадая в определенный социальный институт, индивид осваивает модель поведения, соответствующую его статусу и отвечающую ролевым ожиданиям [Парсонс 2002]. Таким образом, политическое управление, политические институты влияют на формирование внутренних установок и ценностей, а также на внешние обстоятельства, создающие смысловые контексты.

Часто используемая политологами модель коммуникации Г. Лассуэла «Кто говорит? Что говорит? По какому каналу? Кому говорит? С каким эффектом?» нагружена психологическим контекстом [Lasswell 1966]. Субъект передачи информации оценивается с точки зрения доверия, властной позиции; послание характеризуется силой убеждения, эмоциональностью, сложностью содержания, размером/долготой; канал представляет собой средство комму-

никации – текст, видео, аудио; реципиент сообщения сегментируется по возрасту, гендеру, образованию, профессии, доходу; эффект фиксирует, насколько сообщение повлияло на изменение поведения реципиента. Данная модель переключается с маркетинговой стратегией *AIDA* – внимание, интерес, желание, действие [Хейг 2019]. Эффективность восприятия информации зависит от таких характеристик реципиента, как имеющиеся политические предпочтения, гомогенность новой информации и уже имеющихся знаний, концентрация внимания в момент приема.

Понимание мотивов политического поведения индивидов связано с психологическими концепциями мотивации. Можно в качестве отправной идеи использовать постулат, что мотив представляет собой психологическое состояние, а значит формируется самим субъектом. Мотивы коллективных действий можно охарактеризовать как сумму мотивов индивидов. Коллективные действия могут мотивироваться чувством солидарности с групповыми идентичностями: семьей, нацией, корпорацией, государством. В качестве мотиваторов (стимулов) выступают внутренние и внешние факторы.

В литературе существуют разные подходы к иерархии указанных факторов. Так, представители теории рационального выбора обосновывают мотивы деятельности сознательным выбором максимально полезной стратегии для приобретения выгод, при этом актер ранжирует свои предпочтения и оценивает ресурсный потенциал для достижения цели. Индивид как «хомо экономикус» озабочен количеством и качеством благ, но не ценностями и социальными процессами [Остром 2010]. Исследования Д. Канемана и Р. Талера поставили под сомнение центральное положение данной теории: человек чаще принимает решение на основе системы 1 – иррациональной и стереотипной и реже пользуется системой 2 – рациональной и аналитической [Канеман 2015; Талер 2016]. В политических процессах эмоции и аффекты зачастую выступают триггерами действий индивидов и групп, особенно в массовых протестах, военных столкновениях, межэтнических конфликтах.

Классическая пирамида потребностей А. Маслоу предлагает в качестве мотивов поведения рассматривать стремление к удовлетворению разноуровневых потребностей – от биологических до идеальных. Устойчивые личностные черты (установки, ценности) признавали мотиваторами, наряду с внешними факторами, такие ученые, как К. Мадсен, Дж. Аткинсон [Madsen 1974; Atkinson, Kuhl 1986]. Практические эксперименты в теории игр показали, что представления о справедливости мотивируют игроков карать жадность. В играх «Ультиматум», «Общественное благо» индивиды демонстрировали образцы «нерационального» поведения, отказываясь от выгоды или идя на определенные издержки для наказания нарушения понятий о справедливости и стратегии «безбилетника» [Диксит, Скит, Рейли-мл. 2017].

На политическое поведение, помимо личностных черт, значительное влияние оказывают факторы внешней среды в форме специфики конкретной ситуации (особенности конфигурации акторов, ресурсов, стратегий); наличествующей социальной системы (со статусно-ролевыми иерархиями); конкретно-исторического времени (диапазон действий и мыслей определяется возможностями конкретной эпохи, господствующим дискурсом, в терминологии М. Фуко). В частности, внешняя мотивация может осуществляться посредством приказа, просьбы, убеждения, совета и др. Политики создают и «продают» образы будущего, оценки исторического прошлого, используя психологический феномен страха: граждане предпочитают стратегии консервативного сохранения имеющихся ресурсов и безопасности стратегиям получения больших выгод и риска. Политики искусственно создают или выявляют имеющиеся страхи общества

для эффективного управления массами, граждане принимают или преодолевают страхи.

Для концептуализации оценки актуализированного прошлого, современных социальных условий, прогноза будущего развития, мотивации к принятию определенных идей и решений, алгоритма достижения целей используется понятие «фрейм». Политики создают фреймы для мобилизации сторонников в форме ментальных схем и коммуникационных техник репрезентации идей [Snow, Vliegenthart, Ketelaars 2019]. Фрейм является более узким понятием, нежели дискурс; в отличие от идеологии, он менее разработан и нормативен. Противоборствующие политические силы создают фреймы для позиционирования в сознании граждан своих отличительных черт и конкурентных преимуществ. При необходимости привлечь союзников фрейм может быть расширен. В авторитарных режимах фреймы могут принимать форму фигур умолчания, подтекста, иронии, аналогии, поскольку в рамках легальной деятельности внесистемная оппозиция исключена из формирования повестки дня.

Как правило, мотивы не сводимы к одному-единственному мотиву, на индивидуальном уровне они подвижны, ситуативны. Более устойчивыми представляются групповые интересы в форме желаемых целей формальной или неформальной организации. Концепция групп интересов в определенной степени совпадает с марксистским подходом: материальные интересы социальных групп (организаций или классов) определяют мотивы политической деятельности [Олсон 1995; LaVaque-Manty 2006]. В случае выявления приоритета ценностей – религии, идеологии и др. – сторонники групп интересов и марксисты указывают на обратное влияние «надстройки», которое носит нерациональный характер.

Если внутренние черты личности соответствуют модели «авторитарной личности» Т. Адорно (подчинение авторитету, нетерпимость к меньшинствам, социальный конформизм), а управление основано на радикальной идеологии, исключительной идентичности, манипулировании информацией, то с высокой долей вероятности сформируется авторитарный или тоталитарный режим [Адорно 2012]. Социальная психология, разрабатывающая концепции и модели группового поведения, предоставляет теоретические рамки и экспериментальные данные, которые используются для анализа политических процессов в различных политических системах [Майерс 2019]. Психологические характеристики политических режимов изучает политическая психология, исследующая этнические стереотипы, символы, образы, картины мира, ценности, идентичность. В исследовательском поле данной субдисциплины находятся психологические аспекты политического лидерства, политического участия, функционирования институтов, политической социализации, электорального поведения [Шестопап 2019].

С психологическим контекстом связаны символическая политика и историческая политика [Малинова 2015; Символическая политика 2012; Символическая политика 2014]. Символическая политика, которая представляет собой производство и поддержку смыслов в форме политических акций, мифов, ритуалов, содержания школьных программ, одобренных речевых практик, праздников и др., направлена на формирование государственно-национальной идентичности. Историческая политика нацелена на формирование патриотизма посредством определенной интерпретации истории страны. В рамках исторической политики осуществляется апологетика политических акторов данного государства, позитивные оценки их деятельности закрепляются в качестве нормы и не подлежат альтернативной интерпретации.

Символическая и историческая политика реализуются прежде всего го-

сударством для укрепления легитимности правящих групп. Одновременно они организационно и финансово поддерживаются группами интересов (фонды, сообщества, СМИ), выступающими бенефициарами закрепления смыслов в определенном ракурсе. Символическая и историческая политика нацелены на создание единой когнитивной, ценностной, эмоциональной, поведенческой платформы у разных поколений с помощью прежде всего иррациональных (аффективных) форм воздействия [Селезнев, Александров 2021; Шатилов 2021]. Для исторической политики характерно запоминание и актуализация побед, коллективных травм и забвение поражений (вины) [The Oxford Handbook... 2011]. Таким образом, исследовательским полем политологов является выявление современных групп интересов, способствующих легитимации определенной интерпретации смыслов для достижения своих целей.

Список литературы

- Адорно Т. 2012. *Исследование авторитарной личности* (пер. с англ. М.Н. Попова, М. Кондратенко). М.: Астрель. 473 с.
- Зимбардо Ф. 2018. *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в плохих* (пер. с англ. А. Стативка). М.: Альпина нон фикшн. 890 с.
- Диксит А., Скит С., Рейли-мл. Д. 2017. *Стратегические игры. Доступный учебник по теории игр* (пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. А. Минько). М.: Манн, Иванов и Фербер. 880 с.
- Канеман Д. 2015. *Думай медленно... решай быстро* (пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой). М.: АСТ. 653 с.
- Майерс Д. 2019. *Социальная психология* (пер. с англ. З.С. Замчук). СПб: Питер. 800 с.
- Малинова О.Ю. 2015. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия. 207 с.
- Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп* (пер. с англ.). М.: Фонд экономической инициативы. 165 с.
- Остром Э. 2010. Теория рационального выбора коллективного действия. Бихевиористский подход. — *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 5-52.
- Парсонс Т. 2002. *О социальных системах*. М.: Академический Проект. 832 с.
- Селезнев П.С., Александров Д.В. 2021. Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках государственной политики памяти: проблемы и перспективы. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 11(3). С. 33-38.
- Символическая политика*. Вып. 1. *Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс: сборник научных трудов*. 2012. М.: ИНИОН РАН. 334 с.
- Символическая политика*. Вып. 2. *Споры о прошлом как проектирование будущего: сборник научных трудов*. 2014. М.: ИНИОН РАН. 382 с.
- Талер Р. 2016. *Новая поведенческая экономика* (пер. с англ. Е.А. Прохоровой). М.: Бомбора. 550 с.
- Хейл П. 2019. *Управленческие концепции и бизнес-модели. Полное руководство* (пер. с англ. В.М. Ионова). М.: Альпина Паблишер. 380 с.
- Шатилов А.Б. 2021. Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 11(3). С. 15-26.
- Шестопап Е.Б. 2019. Проект длиною в четверть века. Исследование образов

власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018). – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 9–20.

Atkinson J.W., Kuhl J. 1986. *Motivation, Thought, and Action*. Praeger. 407 p.

Chirumbolo A., Leone L., Desimoni M. 2016. The Interpersonal Roots of Politics: Social Value Orientation, Socio-Political Attitudes and Prejudice. – *Personality and Individual Differences*. Vol. 91. P. 144–153.

Festinger L. 1968. *A Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford University Press. 291 p.

Kelley H.H. 1973. The Processes of Causal Attribution. – *American Psychologist*. Vol. 28. P. 107–128.

Lasswell H.D. 1966. The Structure and Function of Communication in Society. – *Reader in Public Opinion and Communication* (ed. by B. Berelson, M. Janowitz). N.Y.: The Free Press. P. 178–189.

LaVaque-Manty M. 2006. Bentley, Truman, and the Study of Groups. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 9. P. 1–18.

Madsen K.B. 1974. *Modern Theories of Motivation: A Comparative Metascientific Study*. John Wiley & Sons. 472 p.

Milgram S. 1975. *Obedience to Authority: An Experimental View*. N.Y.: Harper & Row. 224 p.

Snow D.A., Vliegenthart R., Ketelaars P. 2019. The Framing Perspective on Social Movements: Its Conceptual Roots and Architecture. – *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements* (ed. by D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi, H.J. McCammon). 2nd edition. John Wiley & Sons Ltd. P. 392–410.

The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis (ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly) 2011. Oxford University Press. P. 133–224.

RASTORGUEV Sergey Viktorovich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.)*, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; SRastorguev@fa.ru)

PSYCHOLOGY MATTERS IN POLITICS

Abstract. The article analyzes Russian and foreign psychological concepts that are used in political research. The behavior of an individual is presented as a function of personality traits and external circumstances. Psychological factors influence the formation of attitudes, the assessment of phenomena and political decision-making. The author analyzes various approaches to behavior motivation. Irrational factors and stereotypes play a significant role in the decision-making process. Social psychology and political psychology describe different models of group behavior. Social institutions and state policy form external circumstances. The symbolic and historical policy of the state is based on the achievements of psychological science. Organizations of the third sector can act as a competitor of the state in the implementation of symbolic and historical policies.

Keywords: political psychology, behavior motivation, symbolic politics, frames
